

Три формулы.

(Мысли под Новый год)

Медленно, томительно-однообразно движется русская жизнь,—и все-же почти не замечаясь, как год проходит за годом. Снова Новый год, и снова мысленно подводим итоги прошедшему, вглядываемся в настоящее и силимся поднять завесу будущего.

Настоящее, прошедшее, будущее... В 1836 году, в самый разгар николаевской реакции, в 15-м №-ре „Телескопа“ была напечатана статья Чаадаева. По словам Герцена, „письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию... Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь“.

В чем же заключалась основная мысль статьи Чаадаева? Герцен ее формулирует так: „прошедшее России пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет; это,—проблема разумия, грозный урок, данный народам,—до чего отчуждение и рабство могут довести“ („Былое и Думы“—сочин., т. II, стр. 403).

Россия—страна „неограниченных возможностей“. Но в прихотливом, капризном бытии явлений, наполовину как жизнь, одно может быть отменено, как явление, совершающееся с полной закономерностью: это кары, с неизбежностью обрушивающиеся на головы писателей, имевших счастье или несчастье—не знаю, право,—своими статьями „потрясать всю мыслящую Россию“. Чаадаева объявили сумасшедшим и подвергли домашнему аресту.

По словам Герцена, статья Чаадаева была „мрачным обвинительным актом против России, протестом личности, которая за все вынесенное хочет высказать часть накопившегося на сердце“. Когда, впоследствии, М. Ф. Орлов, беседуя с графом Бенкендорфом, одним из выдающихся „дьяволов“ николаевской эпохи, попытался замолвить слово в защиту Чаадаева, и из уст графа он услышал диаметрально противоположное мнение о судьбах России: „Прошлое России было восхитительно; ее настоящее более чем великолпно; что касается ее будущего, то она превосходит все, что самое смелое воображение может себе представить“.

Когда вспоминаешь теперь пессимизм Чаадаева и оптимизм графа Бенкендорфа,—тут же невольно переносишься в обстановку наших дней. Вспоминается покойный профессор А. И. Чупров, доказывавший, что десятилетия с небольшим летъ современной русской правительственной политики достаточно для того, чтобы привести Россию к полному экономическому разорению. Вспоминаются речи представителей оппозиции в Государственной Думе. Конечно, проф. Чупров и эти думские депутаты не идут в своем пессимизме так далеко, как шель Чаадаев. Все их речи проникнуты верой в будущее, которой у Чаадаева вовсе не было. Но вместе с ним они согласны, что „настоящее невыносимо“, и все свои силы они употребляют на то, чтобы возможно лучше и полнее развить это положение.

Но и у гр. Бенкендорфа есть свои преемники. Вот покойный П. А. Столыпин, с энтузиазмом утверждавший в статьях и интервью, что все в России обстоит прекрасно и что через десять лет ее и не узнаешь: так она расцветет. Вот г. Ковцов, так поражающий своим оптимизмом в вопросах, касающихся положения русских финансов, и так спокойно глядящий на голод, охвативший почти всю Россию. Разве все речи представителей нашего правительства не суть вариации на тему: „настоящее России более чем великолпно“?

И официальным оптимистам и отчаявшимся пессимистам прекрасно отбитил в свое время Герцен. „Прошлое русского народа,—писал он,—темно, его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее“ („Русский народ и социализм“).

С тех пор, как были написаны эти строки, прошло много лет. Самая богатая фантазия не могла бы предвидеть всего того, что пришлось за эти годы испытать нашей стране. Медленный, вялый темп жизни вдруг сменился бешеным галопом. Сознание того, что „настоящее невыносимо“ проникло в широкие народные массы и породило могучее общественное движение. Как старуха в „Сказки о рыбаке и рыбке“, русское общество все повышало и повышало свои требования; и, как эта же старуха, оно очутилось перед разбитым корытом...

По-прежнему наше настоящее „невыносимо“, „ужасно“. И даже более невыносимо и ужасно, чем прежде. Перед нами несколько лет тому назад раскрылись такие блестящие, заманчивые перспективы, счастье наше, казалось, было „так близко, так возможно“. „Дни свободы“ были для нас не робкой, заманчивой мечтой, а были фактом нашей жизни: в их атмосферу мы жили, свободой мы дышали. И мудрено-ли, что на фоне этих дней убожество обстановки

к которой мы вернулись, выступает особенно отчетливо? Даже те крохи, подчас очень значительные, которые достались нам с пышного пира общественного подъема, не веселят и не радуют нас. Что нам, например, до того, что, несмотря на „миллион терзаний“, приходящихся на долю современной русской печати, ее положение—особенно в столицах—все же значительно улучшилось, и сравнительно свободно можно писать о том, о чем в до-революционную эпоху и заикнуться нельзя было. Что это так—убедиться не трудно: стоит только сравнить номер какой-либо прогрессивной газеты, скажем, за 1900-й год с номером за 1911-й год. Но ведь у нас так живо воспоминание о прессе, совсем свободной от всяких пут! Кроме того, и это самое главное, если реакция еще кое-что и пощадила в русской жизни, то весьма многое она так основательно разрушила, что позабудешь поколебляясь, жившим до „конституции“.

Но есть нечто, что не в силах разрушить никакая реакция. Есть нечто, что дает нам возможность принять формулу Герцена целиком и вместе с генеральным публицистом надбаться, что у русского народа есть права на будущее. Исторические условия, гнет татарщины и до сих пор продолжающийся гнет темных реакционных сил, сдвинули свое дело: наше прошлое темно, наше настоящее невыносимо. Но он, эти силы, не могли задавить талантливости и гения молодого, физически и духовно сильного народа. В течение одного лишь XIX века, несмотря на всю тяжесть исторических условий своего существования, Россия явила миру в области художественной литературы—Пушкина, Гоголя и Толстого; в области науки—Менделеева и Мечникова; в области искусства—Чайковского, Римского-Корсакова и Анткольскаго.

Если принять во внимание, что за каждым из этих крупнейших, пользующихся мировой известностью и славой, имен стоит целый плеяда имен других, подчас не менее талантливых и крупных, перечислять которых значило бы заполнить целые газетные столбы,—как близки и понятны делаются для нас слова Герцена о правах русского народа на будущее! Если, несмотря на все зло козни своей судьбы-матери, наш народ сумел и успел выработать культуру, своей силой и глубиной поражающую наших западных соседей, не ясно ли, что перед ним рано или поздно отступают стесняющие его развития реакционные силы! И этот момент, момент торжества идеи культуры, права и свободы, не так уж далеко от нас. Дни общественного подъема, несомненно, не прошли безследно для народных масс. В эти дни в жадно настроившемся уме и сердце людей было брошено много идей, возвышенных, смелых и истинных... Нарасхват раскупались сотни тысяч брошюр и книг с новыми мыслями о старых, наиболее важных вопросах. Многочисленные собрания посвящались на всем протяжении нашей необъятной страны миллионами людей, чутко прислушивавшихся к свободному, смелому, правдивому слову.

И все это, конечно, не сгнуло, не могло сгнать безследно. Уныло и суро теперь лишь на поверхности русской жизни; там же, в глубине России, в народной толпе идет непрерывная работа мысли, сощепшается переосмысление старых ценностей с точки зрения новых, глубоко воспринятых идей.

На многое могли бы мы сослаться для доказательства этой нашей мысли. Условия времени и места заставляют нас воспользоваться лишь небольшой частью имевшихся в нашем распоряжении данных.

В апрельской книжке „Современного Мира“ за 1911 г. была напечатана статья М. Горького о „писателях-самоучках“. В распоряжении Горького находилось около 400 рукописей, присланных ему „писателями-самоучками“, вышедшими из недр народа. Рукописи эти относятся к самому последнему времени, когда апатия, разочарования и метания всякого рода почти целиком овладели верхами русского общества. И Горький, внимательно изучив этот богатый рукописный материал, противопоставил той прострации, в которую впадал интеллигент, дух бодрости, уважения к культуре, которым влечет от работ „писателей-самоучек“. Нарождается народная интеллигенция, для которой идеи свободы, равенства и братства будут не отвлевающим, увлекательным лозунгом, вычитанным из книжек, не игрушкой, которой сегодня тышится, а завтра бросают,—нет, для нее, из народа вышедшей, с ним кровно связанной, его горькую судьбу извдавшей, эти идеи—святая-святых, откровение, освещающее и разъясняющее весь ее повседневный опыт.

Горький в своем „Летѣ“ сдвдал попытку изобразить картину проникновения и роста новых идей в наших народных массах. Многие в этой попытке нам кажутся неудачными. И все же местами мо-

гучий талант художника властно захватывает читателя. Если в общем и целом от этого произведения Горького у читателя и остается некоторое чувство неудовлетворенности, то отнюдь не от того, что он не вобрал в проникновение новых идей в деревню и в появление в ней кружков интеллигентной молодежи. Нет сомнения в значимости этого процесса, но есть вполне законное соображение в том, что этот процесс протекает именно так, как его изображает Горький.

Гораздо живее изображены „новые люди“, первые ласточки будущей нашей весны, в „Сель Миклушевском“—повесть рассказанного ниже нижегородца Ив. М. Касаткина, по-видимому в последнем сборнике „Знания“. Рассказ написан чрезвычайно интересно, ярко и талантливо. На фоне очень удачно схваченной и изображенной деревенской жизни выделяются две фигуры людей, захваченных новыми идеями: одна—Григория Куманькова, приведенного домой по этапу, привыкшего уже к городской жизни, и мечтающего как можно скорее выбраться из родных мест. Он и в деревне не теряет времени даром: читает мужикам газету, а затѣм вместе с ними обсуждает прочитанное. Но все же окружающая обстановка тяготит его, и своей возлюбленной он „жарким полупешотом“ рассказывает о больших городах, куда он поведет ее скоро, о людях, которые ее полюбит. И другая фигура—Прохора Штика. Это, так сказал, деревенский патриот. Разсуждая о причинах крушения освободительного движения, он говорит возражающему ему Куманькову: „Намги упрекать и жика! За мужика всякому в зубы съезжу!“ Все дело, по его мнению, в том, что „мужика-те и в зачет не поставили... Вы укрѣпились себѣ там силой и двинулись. Пошли это... а мужик-от о ту пору лежал. А лежал он, такая туша, гусь ему в дыхание, попереки дороги вашей. Понял? Вы, значит, через него—кувырк!“ Почему же это все так вышло? Прохор на это отвечает так: „Былое дело... глядим: гдѣ да кто-то орудует... Сухватились и мы, а в чем сила—не знаем, в какую точку метить—не видим! Галь—до своему, по городскому, значить... а деревня закрутила по своему“.

Мы не имеем здесь, конечно, возможности в достаточно полной мере рассмотреть всю русскую литературу последних лет, изображающую появление новых людей в народных массах. И приведенных примеров достаточно для того, чтобы на грани Нового года, вглядываясь в загадочные и темные черты будущего, чувствовать в себе живую веру и в свой народ, и в его грядущую судьбу.

Над разбитым корытом стоим мы... Впереди трудная, тяжелая, но живая, прекрасная общественная работа. И так важно, что над страной разсвевается наконец туман тоски, апатии, неврѣия, уныния! Так радостно, что даже у нашей интеллигенции, наиболее глубоко пережившей все ужасы внешней и внутренней реакции, годы тоскливых, мучительных, безалаберных метаний лежат уже позади. Посрамлен „Санин“, посрамлены, как это прекрасно показал Венгер в своих статьях о так называемом декадентском течении в нашей литературе, идеи „чистой эстетики“. Повсюду снова проникает голос жизни, восстанавливается интерес к общественности и воскресает идея общественного долга.

„Прошлое русского народа, писал Герцен, темно, его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее“. Нам кажется, что в настоящее время эта формула луждается в несправедливости. Теперь в прошлом русского народа есть событие, ярко освещающее его историческую жизнь: это—могучее общественное движение недавних лет, глубокое устремление народа к новым, более справедливым и свободным, общественным отношениям. Устремление это потерпело временную неудачу, и настоящее наше, действительно, ужасно. Но у нас есть права на будущее, и мы верим, что это будущее „превосходит все, что самое смелое воображение может себе представить“.

Мы вкладываем в последнюю цитату, конечно, совсем иной смысл и содержание, нежели то, которое было у ее автора—гр. Бенкендорфа. Для этого государственного деятеля, шефа жандармов николаевских времен, блестящее будущее России рисовалось, впрочем в иных красках, чем для нас. Верный слуга николаевского режима, он и в настоящем и в будущем видел Россию—страну рабов. Мы же верим в свободную Россию, верим, что она справится и ликвидирует все пережитки крепостнических отношений.

Наступает 1912-й год... Пожелания наши ясны: пусть как можно ближе он приблизит нас к эпохе душевной крепости, утвенной бодрости, гражданской мужественности.

А. Заг.